

ТЕОРИЯ СМЕШАННОЙ КОНСТИТУЦИИ У ЦИЦЕРОНА И СИСТЕМА ПРИНЦИПАТА

Еще в античной историографии сложилась традиция сопоставления двух великих политиков-ораторов, самоотверженных защитников гражданской свободы - Демосфена и Цицерона¹. Но при всем сходстве образов этих "тираноборцев" между ними все же имелись существенные различия, на одно из которых нам хотелось бы обратить внимание. Никому из исследователей, кажется, еще не приходило в голову объявить Демосфена "идейным предтечей" македонского господства в Элладе (такая роль обычно отводилась противнику Демосфена Исократу). Между тем о Цицероне довольно часто говорят как об идеологе принципата², хотя некоторые исследователи настаивают на его последовательном "республиканизме"³. Парадокс заключается в том, что сторонники обеих точек зрения находят свои главные аргументы в одном и том же источнике - в цicerоновской версии теории о смешанном государственном устройстве.

Итак, где же истина? В идеологии августовского принципата, без сомнения, можно обнаружить немало сходного с теми идеями и лозунгами, которые превозносились в произведениях Цицерона. Но означает ли это, что Август был добросовестным последователем Цицерона или что он лицемерно использовал цicerоновские идеи для маскировки своей монархической власти? На наш взгляд, обе эти однозначные оценки слишком упрощают действительную ситуацию. Дело в том, что римские понятия *lex* и *mos* были неразрывно связаны, и право для римлян заключалось не только в юридической практике, но и в традициях, обычаях, основанных на врожденных, данных от природы представлениях об идеальной норме, о справедливости (ср. *Cic. Leg. III. 1*). Поэтому при

¹ *Plut. Dem. 3*: "Трудно найти других двух ораторов, которые, будучи людьми простыми и незнатными, добились славы и могущества, вступили в борьбу с царями и тиранами, ... были изгнаны из отечества, но с почестями вернулись, снова бежали, но были схвачены врагами и простились с жизнью тогда же, когда угасла свобода их сограждан".

² *Meyer Ed. Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius. Stuttgart. B., 1922. S.181; Taeger F. Die Archaeologie des Polybios. Stuttgart, 1922. S. 34; Knoche U. Die geistige Vorbereitung der Augusteischen Epoche durch Cicero// Das neue Bild der Antike. Leipzig, 1942. Bd. 2. S. 200-218; Gruber J. Cicero und das Hellenistische Herrscherideal: Überlegungen zur Rede "De imperio Cn. Pompei"// Wiener Studien. N.F. 1988. Bd. 101. S. 243-258.*

³ *Протасова С.И. Трактат Цицерона "О государстве"// Учен. зап. Саратовского гос. ун - та. 1926. Т. VI, Вып. III. С. 275; Утченко С.Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952. С. 212-234 (с оговоркой, что Цицерон "невольнo" стал идеологическим предшественником принципата); Heinze R. Ciceros "Staat" als politische Tendenzschrift// Hermes. 1924. Bd. 59. S. 73-94; Lepore E. Il princeps ciceroniano e gli ideali politici della tarda republica. Napoli, 1954. P. 361 ff.; Vogt J. Ciceros Glaube an Rom. Darmstadt, 1963. S. 56.*

рассмотрении нашей темы было бы полезно выйти за рамки формально-юридического подхода и обратить особое внимание на специфику римских представлений об идеальной норме, об идеальной гражданской общине.

Историки утопических идей очень часто указывают на практицизм и отсутствие утопизма как характернейшие черты древнеримского менталитета⁴. Действительно, римляне не создали разработанных проектов вымышленных "идеальных государств", сравнимых с проектами Платона и Аристотеля. Однако это свидетельствует, на наш взгляд, не об отсутствии утопизма, а о том, что утопизм в условиях римской действительности приобрел весьма специфическую, прагматично-патриотическую направленность. Римляне в отличие от греков долгое время очень холодно относились к попыткам идеализации каких-то чужих стран и народов, но они весьма охотно переносили свой идеал на ранние эпохи собственной истории. Почти не прерывавшаяся в течение столетий ожесточенная борьба за выживание, по замечанию Г. Дрекслера, привела к тому, что Рим институционно и морально организовал себя для этой борьбы, сделав общественное благо Родины высшим законом для всех граждан⁵. Образ завещанного предками "идеального Рима" долгое время заменял римлянам абстрактные теории идеальных государств, и грандиозные военные успехи Рима еще больше способствовали развитию и обогащению этого образа.

Первоначально "идеальный Рим" мыслился как патриархальная и автаркичная гражданская община, сплоченная, как писал Энний, "древними нравами и мужами"⁶. Со временем, когда римляне подчинили себе не только Италию, но и многие другие средиземноморские страны, образ "идеального Рима", сохраняя в своей основе "общинный" характер, начал постепенно трансформироваться в величественный образ мировой державы, которой предначертано самими богами стать защитницей покоренных, распространить свое вечное благодетельное господство на весь "круг земель". Теоретическому обоснованию этого нового образа весьма способствовали представители Римской Стои, разработавшие теорию "справедливой экспансии" и впервые применившие теорию смешанного государственного устройства для объяснения римской истории. Особая заслуга в этом принадлежала Полибию, который опирался на Платона, Аристотеля, Дикеарха и других греческих философов⁷. Весьма характерно, что долгое время живший в Риме грек Полибий совершенно по-римски осуждал Платона за абстрактную умозрительность его утопии (VI.47.7-10). Вместе с тем он утверждал, что лучшая форма смешанного государственного устройства уже воплотилась в римской конституции, сочетающей элементы монархии (полномочия консулов), аристократии (власть

⁴Flashar H. Formen utopischen Denkens bei den Griechen// Innsbrucker Beitr? ge zur Kulturwissenschaft. Innsbruck, 1974. H. 3. S. 14; Polak F.L. The Image of the Future. Leiden, 1961. Vol. I. P. 85; Manuel F.E., Manuel F.P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge, (Mass.), 1979. P 21.

⁵Drexler H. Aufstieg und Niedergang Roms in Wechselwirkung mit dem r?mischen Staatsdenken// ANRW. B.; N.Y., 1972. Bd. I,2. S. 798, 825.

⁶Moribus antiquis res stat Romana virisque - ср. Cic. Resp. V. 1. 1. ср.: II,16,30.

⁷См.: Мирзаев С.Б. Полибий М., 1986. С. 24 и след.; Fritz K. von. The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity: A Critical Analysis of Polybius's Political Ideas. N. Y., 1954; Labuske H. Zur geschichtphilosophischen Konzeption des Polybios // Klio. 1977. Bd. 59. S. 406 ff.

сената) и демократии (полномочия плебейских трибунов и народных собраний) (VI.10.13;11.12).

Цицерон, написавший свои диалоги *De re publica* и *De legibus* как бы в форме продолжения платоновских "Государства" и "Законов", вслед за Полибием не преминул упрекнуть греческих философов в оторванности их проектов от реальной жизни людей и от их нравов (Resp. II.21). Можно выделить немало новых моментов, внесенных Цицероном в теорию смешанной конституции, но объединяющим эти новации началом была все та же тенденция приблизить утопический идеал к конкретным римским политическим реалиям. Следуя принципиальной установке Катона Старшего, Цицерон подчеркивал, что совершенный государственный строй сложился в Риме не благодаря каким-то отдельным героям-реформаторам: он был создан благодаря общим усилиям многих поколений римлян (21.37). Смешанная конституция успешно действовала вплоть до гракханской смуты, и она могла бы сохраняться вечно, если бы государственные мужи соблюдали заветы предков и не поддались влиянию пороков (III.23.34;29.41). Вылечить испорченные общественные нравы и вернуть государство к устойчивости и согласию мог бы теперь некий великий гражданин и почти божественный муж, которого Цицерон называет *rector et gubernator civitatis* (29.51).

Конечно, если учесть, что Цицерон устами Сципиона называет "лучшей" из "чистых" форм правления царскую власть (I.35.54), можно заподозрить его в склонности к монархизму. Однако *rector civitatis* изображается Цицероном не как должностное лицо (или тем более монарх), а как государственный муж, обладающий высочайшим моральным авторитетом и стремящийся не к личной власти, а к возрождению и укреплению традиционной для Рима смешанной формы правления. В разное время Цицерон, как известно, "примеривал" образ "ректора" или "принцепса" к различным государственным деятелям (например, к Сципиону Эмилиану и Помпею Великому)⁸, однако, в действительности его, по-видимому, никогда не покидало тайное желание почти всякого утописта - представить самого себя в роли верховного руководителя идеального государства. Достаточно одного примера. Греческий предшественник Цицерона - Платон - отнюдь не довольствовался одним теоретизированием: он раз за разом предпринимал неудачные поездки на Сицилию, пытаясь осуществить свой утопический проект на практике. Тем более таких стремлений следовало ожидать от Цицерона, который в отличие от Платона имел немалый опыт политика-практика и даже занимал в 63 г. до н.э. высшую государственную должность консула.

Присмотревшись к оценкам, которые Цицерон дает сам себе как политику, мы обнаруживаем точную копию того описанного в теоретических трактатах "великого мужа", который должен действовать на благо Республики. В самовосхвалительной поэме о своем консулате и почти во всех публичных выступлениях Цицерон с нескрываемым честолюбием напоминал римлянам о том, что именно он спас отечество во время заговора Катилины, что именно он сумел добиться согласия сословий и что именно за это ему первому народ даровал почетный титул *pater patriae*. Судя по некоторым данным, Цицерон всерьез хотел казаться не только "спасителем" и "отцом отечества", но и как бы вторым его основателем, "новым

Ромулом", возродившим Рим для новой жизни⁹. С учетом этого нам кажется вполне вероятным предположение о том, что кратковременный союз с юным Октавианом рассматривался знаменитым оратором лишь как средство для того, чтобы сокрушить Антония и вновь занять место авторитетнейшего государственного мужа, в очередной раз спасшего отечество от тирании.

Конечно, Цицерон - прожженный политик - не был свободен от конформизма, лицемерия и демагогии. Однако эти качества проявлялись, главным образом, в тактике политической борьбы. Что же касается стратегии, то он, как истинный римлянин, видел смысл своей жизни в служении "идеальному Риму". Убежденный в том, что мечи должны склоняться перед тогой, Цицерон не случайно назвал свои последние речи "Филиппиками": он прекрасно понимал, что ему грозит участь Демосфена, и что солдаты Антония отнюдь не остановятся перед тогой "отца отечества". Уже во второй "Филиппике" он предсказал свою гибель, заметив, что смерть от мечей Антония будет ему желанна, если она послужит свободе римского народа. И завершил он эту речь пожеланием, чтобы каждому политику выпала та участь, какой он заслужил своими поступками по отношению к государству (Phil. II. 119). Возможно, эта фраза напоминала о том божественном вознаграждении, которое, согласно "Сновидению Сципиона", уготовано великим государственным мужам. Земное государство, по убеждению Цицерона, является приближением к вселенскому государству, основанному на принципах высшей гармонии и справедливости. Поэтому душам тех правителей, которые вели государственные дела с рассудительностью, мужеством и умеренностью, предстоит вернуться в расположенные на небесах священные местопребывания бессмертных душ, где они будут наслаждаться вечным блаженством (Resp. VI.6.6 = *Maer.* In somm. scip. 1.1.8 sqq.). Как видим, государственно-правовые взгляды Цицерона были очень тесно связаны не только с утопическими, но даже и с религиозными воззрениями.

Закат жизни Цицерона пришелся на тот период гражданских войн, когда все решали мечи, а не тоги. Октавиан расчетливо пожертвовал жизнью престарелого оратора, однако дальнейшая его карьера показала, что он все же очень многому научился у "римского Демосфена": позднее он весьма уважительно отзывался о Цицероне как об ученом муже, любившем свое отечество (*Plut.* Cic. 49). И чем прочнее становилась реальная власть Октавиана, основанная прежде всего на силе оружия, тем более настойчиво он заботился о том, чтобы эта власть не выглядела в глазах римлян подобием царской власти, тирании или диктатуры. Наконец, на исходе жизни Октавиан Август (получивший, как и Цицерон, титул "отец отечества") написал в своем политическом завещании, что он погасил гражданские войны и вернул свободу, передав государство в соответствии с обычаями предков в распоряжение сената и народа; власти он имел не больше, чем коллеги по магистратурам, и превзошел их лишь своим авторитетом, своей *auctoritas* (RGDA. 4.1; 5.1-3; 6.1-2; 20.1; 21.3; 24.2; 34.1.3). Сама логика повествования в "Деяниях божественного Августа" напоминает нам о традиционном для римских политиков времен Республики стремлении снискать славу

⁸ *Meyer Ed. Caesars Monarchie...* S. 177 ff., 409 f.; *Wheeler M. Cicero's Political Ideal // Greece and Rome.* 1952. Vol. 21, N 62. P. 55.

своим служением "общественной пользе". Очень важно отметить, что именно такое служение оказалось той идеальной моделью поведения, под которую Август счел нужным "подогнать" противоречивые итоги всей своей жизни.

Основываясь на этом, некоторые современные авторы склонны обвинять Августа в "политическом лицемерии", поскольку он-де не восстановил, а окончательно загубил республику. Однако не следует забывать, что древнеримское понятие "общественная польза" (*res publica*) было гораздо шире современного понятия "республика". Как замечает Эрнст Мейер, с точки зрения теории государственного права императорский Рим продолжал оставаться республикой¹⁰. Следует сделать лишь одно уточнение. Хотя официальный Веллей Патеркул писал, что после окончания гражданских войн была возвращена "первоначальная и старинная форма государства" (*prisca illa et antiqua rei publicae forma revocata* - 11.89), в действительности лозунг "восстановление республики" в понимании Августа, по-видимому, отнюдь не означал простого воспроизведения тех самых порядков, которые были до Гракхов. Об этом свидетельствует, в частности, приводимая Светонием интересная цитата из августовского официального эдикта: император, не рискуя снова доверить государство своеволию многих правителей, выразил надежду, что заложенный им фундамент будет прочным, и что сам он будет почитаться как творец лучшего государственного устройства (*Suet. Aug. 28.1-2*). Таким образом, Август, согласно его собственной версии, не только сохранил и отчасти даже реставрировал традиционные элементы "смешанной" римской конституции, но и еще более усовершенствовал эту конституцию, повысив (вполне в духе программы Цицерона!) роль авторитетного "принцепса" государства. Все новации при этом представлялись не как ломка или отмена староримских традиций, а как возрождение и одновременно некоторое улучшение или развитие.

Благие плоды такого "усовершенствования" должны были казаться несомненными большинству современников Августа. Персонафицировавший власть римского народа принцепс прекратил многолетние гражданские войны, вернул согласие сословий, положил начало эпохе мира и процветания внутри всего государства. Одновременно "Августовский мир" (*Pax Augusta*) имел и внешний, имперский аспект, связанный с резким повышением роли армии в государственной системе принципата. Мощь римского государства, возрожденная и объединенная императором, была направлена теперь не на самоистребление граждан, а на "умиротворение" самых отдаленных народов. Находившаяся на вершине могущества Римская держава все больше напоминала теперь мировое государство, космополис, существование которого не ограничено ни во времени, ни в пространстве. Идеи о вечности Рима, об осуществлении всех мечтаний и наступлении "золотого века" вполне логично дополняли эту своеобразную "официальную утопию"¹¹.

Тем не менее реальность постоянно вносила коррективы в общественные идеалы, и уже при ближайших преемниках Августа идеальный образ принципата начал приобретать все

⁹*Classen C.J.* Romulus in der römischen Republik // *Philologus*. 1962. Bd. 116. S. 189 ff.

¹⁰*Meyer Ernst.* Das politische Denken in Rom // *Museum Helveticum*. 1988. Jg. 45. S. 242.

более монархическую направленность. Характерно, что даже в рядах "сенатской оппозиции" политический утопизм проявлялся теперь все чаще не в восхвалении классической схемы "смешанного правления", а в концентрации внимания на образе умеренного и милосердного правителя, который должен хоть немного считаться с мнением сената. Трактат Сенеки "De clementia" как бы развивал начатую Цицероном тему: при милосердном принце римские граждане видят наиболее удачную форму республики, ибо такой принцепс выступает как *pater familias* по отношению ко всему государству (I.1-7). Подобные увещевания отнюдь не были безрезультатными: даже самые тираничные императоры хотя бы формально, но все же отдавали дань идеальной норме, стараясь не выглядеть в глазах своих подданных тиранами. Об этом, в частности, красноречиво говорят такие легенды на монетах императоров второй половины I в., как *LIBERTAS RESTITUTA*, *CONCORDIA POPULI ROMANI* (вспомним цицероновский лозунг "*concordia ordinum*"!) и т.д.¹² Создается впечатление, что на уровне политической теории понятия "общественная польза" и "свобода" (как свобода от тиранического единовластия)¹³ оставались на протяжении всей истории принципата важнейшими элементами той идеальной нормы, с которой вынуждены были считаться не только "хорошие", но и все "дурные" принцепсы.

Возвращаясь к вопросу о степени влияния теории "смешанной конституции" Цицерона на формирование идеального образа принципата, мы хотели бы подчеркнуть, что этот образ явился вполне естественным и объективным результатом эволюции прежнего образа "идеального Рима". Идеальная норма в общественном сознании постепенно как бы догоняла и осваивала стремительно меняющуюся реальность, причем роль отдельных идеологов в этой ситуации проявлялась, в частности в том, как именно, с какой направленностью осмысливало общество эти изменения. Помимо Цицерона авторитетными выразителями общественных настроений были, например, Саллюстий, Вергилий, Гораций... Каждый из них привносил свои акценты в формирующиеся новые общественные идеалы. Одни предпочитали самозабвенно восхвалять спасителя-императора и готовить почву для его обожествления, другие соглашались признать особое положение авторитетного государственного деятеля лишь при условии сохранения традиционных институтов, а также соблюдения обычаев предков и законов, направленных на общую "пользу". Цицерон, несомненно, принадлежал ко второму направлению, и его влияние на общественное мнение, на наш взгляд, вряд ли было бы справедливо оценивать с точки зрения пропаганды монархических идеалов. В этом смысле он скорее "отставал" от значительной части римлян, уже осознавших недееспособность власти сената и требовавших наделения тех или иных популярных вождей чрезвычайными полномочиями. Верно почувствовав объективно усилившиеся монархические тенденции, Цицерон не стал игнорировать реальность и сделал все от него зависящее, чтобы как-то вписать эти новые тенденции в традиционную систему институтов римской *civitas*.

¹¹См.: Чернышев Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о "золотом веке" в Древнем Риме. Новосибирск, 1992. Ч. 2: Ранний принципат. С. 6-46.

¹²Hesberg H. *Archaeologische Denkmäler zum römischen Kaiserkult* // ANRW. 1978. Bd. II, 16,2. S. 984 ff.; *Mannsperger D. ROM. ET AVG. Die Selbstdarstellung des Kaisertums in der römischen Reichsprägung* // ANRW. 1974. Bd. II,1. S. 919 ff.

¹³Wirszubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*. Cambridge, 1950. P. 97 ff.

Теория "смешанной конституции" оказалась как нельзя более удобной для этого, поскольку она признавала монархический элемент лишь в качестве одной из необходимых частей идеального государственного строя. Цицерон не смог остановить назревшие перемены, но он сумел повлиять на характер осмысления обществом этих перемен: во многом именно благодаря позднему влиянию его теории принципат в своем идеальном выражении символизировал собой не установление единовластия, а лишь как бы продолжение Республики. В римском общественном сознании возобладали концепция не революционного разрыва с традициями, а их развития. В результате почти вся "корневая система" традиционных ценностей гражданской общины сохранила свою живительную силу, и республиканские идеальные нормы еще долгое время после падения Республики оказывали весьма заметное воздействие на нормы государственного права и политическую практику в императорском Риме.

I . G . C E R N Y Š O V

**LA TEORIA DELLA COSTITUZIONE
MISTA DI CICERONE
ED IL SISTEMA DEL PRINCIPATO**

(RIASSUNTO)

La tradizione antica descrive Cicerone come il difensore della libertà civile. Abbastanza spesso, però, nella storiografia si parla di Cicerone come dell'ideologo del Principato. Si deve cercare la spiegazione di questa contraddizione nelle idee romane sulla comunità civile ideale. Originariamente, quest'idea era collegata con l'immagine della *civitas* patriarcale unita, la quale, secondo Ennio era forte "*moribus antiquis... virisque*". Poi, Polibio ha già elaborato l'ideale della costituzione mista adattato per la potenza mediterranea. Cicerone è vissuto, però, nell'epoca tempestosa, quando per la società era necessario avere un potere individuale forte. La sua teoria è un esempio dell'adattamento delle idee vecchie della *civitas* romana alle nuove condizioni. Da un lato, Cicerone afferma le idee della *res publica* e della *concordia ordinum*, dall'altro lato egli nota la superiorità del potere regio nei limiti della costituzione mista. Il governante ideale è un forte politico-pratico che fa tutto per il bene della

res publica. Secondo Cicerone, tale governante poteva ricevere la ricompensa del dio. Dunque, le opinioni di Cicerone sul diritto pubblico erano collegate strettamente con la religione.

Grazie alla teoria di Cicerone l'idea dello sviluppo rivoluzionario che potrebbe distruggere la tradizione, non era vinta. Tutto lo sviluppo, invece, era collegato con l'evoluzione dei *mores maiorum*. Questo appare, per esempio, nell'idea di Augusto della *res publica restituta*. In ogni caso, Augusto e gli altri *principes* erano obbligati ad usare le idee della *libertas restituta* nella loro attività politica.

Così, Cicerone non poteva fermare i cambiamenti imminenti, ma sapeva influenzare la mentalità sociale. Grazie a lui, quasi tutto il sistema dei valori della *civitas* romana ha conservato una sufficiente influenza sulle norme del diritto pubblico e sulla pratica politica della Roma imperiale.